
ЛИЛИЯ ОРЛАНД
Попаданка
на службе
Российской империи
Книга 2: Наука обманывать.

Лилия Орланд

Попаданка на службе Российской империи-2: Наука обманывать

https://litres.ru/74724628
SelfPub; 2026

Аннотация

1811 год. Нам с поручиком Коршуновым предстоит пройти путь от Вильны до Смоленска, чтобы собрать все части завещания Суворова. И пусть кажется, войну уже нельзя отменить, но её ещё можно выиграть. По крайней мере, мы попытаемся!

Содержание

1 5
1 6
2 11
3 16
4 21
5 26
6 31
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Лилия Орланд
Попаданка на службе Российской империи-2: Наука обманывать

1

Первую книгу можно прочитать здесь: https://www.litres.ru/static/reader/text/index.html?art=74704849

1

В город мы въехали к полудню.

Вильна расположилась меж двух холмов и открылась передо мной сразу, как на ладони. От неожиданности я даже приподнялась на сиденье – уж слишком Вильна отличалась от других городов Российской империи. Она была словно нарочито чужеродной: костёлы с крестами, сплошная черепица и теснота, но при этом красивой.

– Чудесный город, – произнесла я, делясь впечатлением с Коршуновым.

Он натянул поводья, лошади встали, и меня от движения кинуло назад на сиденье. Поручик обернулся.

– Чудесный, – хмыкнул он, – но не вздумайте восхищаться им вслух, особенно по-русски.

Чем ближе мы подъезжали, тем яснее я понимала, что имел в виду Коршунов.

На заставе солдат в русском мундире проверял нашу подорожную, а рядом два поляка в четырёхугольных шапках-конфедератках из чёрного фетра громко говорили по-французски. Так громко, что солдату пришлось повторить дважды:

– Проезжайте, ваше благородие.

Уланы в синих куртках шли навстречу и буквально ощупали нас с Коршуновым взглядами.

– Опять русский курьер, – произнёс один из них по-фран-

цузски и сплюнул на дорогу.

– Куда они всё прутся! – ответил второй.

Я поёжилась. Вильна встречала нас не слишком дружелюбно. И вообще, пограничный город жил так, словно война застыла на пороге, а то и вовсе уже идёт, просто ещё не стреляют. Причём сразу было понятно, в кого начнут стрелять в первую очередь.

Не слишком ли самонадеян был Суворов, решив отправить сюда один из ключей? Этим вопросом я поделилась с поручиком, когда мы немного отъехали.

– Запомните, Пафнутий Феофилактович, – Коршунов снова обернулся ко мне, – в Вильне не бывает случайных разговоров. Каждое обронённое слово должно ударить. Думайте, прежде чем что-то сказать. Здесь полно иностранных агентов и ещё больше – их родственников, друзей и сочувствующих.

– Мы тоже агенты, – я улыбнулась, пытаясь пошутить. Уж слишком жутко это звучало.

– Мы военные курьеры по инженерной части, это ещё хуже, поверьте. И внимания мы привлечём куда как больше.

Как и всегда, Коршунов оказался прав.

Мы выбрали гостиницу недалеко от заставы. Не слишком дорогую, но и не самую дешёвую. Как раз такую, чтоб Луковский мог себе позволить. Вывеска на немецком языке обещала чистые комнаты, хорошую прислугу и отсутствие клопов.

Я повелась на это обещание.

Внутри всё выглядело вполне прилично, если не считать того, как смолкли разговоры, когда я вошла в обеденную залу. За столами сидело с десяток человек. Меня окинули внимательными, разбирающими на запчасти взглядами и продолжили разговоры – вдвое громче и по-французски.

Я хотела усмехнуться про себя, показать хотя бы себе самой, что меня не трогает нарочитая враждебность. Однако здесь, под прицелами неприязненных взглядов, я почувствовала себя одиноко и неуютно.

Скорей бы пришёл Коршунов!

Словно услышав мою просьбу, поручик вошёл в зал. Оглянулся, оценил обстановку. Его спина будто одеревенела, когда он направлялся ко мне, губы сжались в тонкую линию. Зато французская речь, перемежаемая польскими оскорблениями, стала куда как тише. А я повеселела.

Подошедший с подносом половой, прежде чем составить на стол тарелки, вдруг поинтересовался:

– Пане, надолго приехали?

Коршунов напрягся. Я понимала, что официант, скорее всего, не по своей воле проявляет любопытство, и, не желая провоцировать конфликт, вежливо ответила:

– Пока не знаем.

– А в сторону Ковно случаем не собираетесь? – он продолжал допрос.

– Любезный, борщ наш стынет, подавай сюда, – не выдер-

жал Коршунов, в голосе которого прорезались рычащие нотки.

На лице полового проступила улыбка, не особо искренняя, но нам уже было не важно. Перед каждым появилась тарелка борща, общая миска со сметаной, корзинка с ржаным хлебом.

Я посмотрела на обтянутую тёмным сюртуком спину полового и покачала головой. Коршунов уже взялся за ложку, зачерпнул насыщенно бордовый бульон и отправил в рот.

– Надеюсь, в тарелки нам не плюнули, – произнесла я, перебирая содержимое своей порции – свёкла, капуста, грибы. Картошки заметно не было.

Поручик гулко сглотнул и укоризненно посмотрел на меня.

– Извините, это я от нервов.

Чтобы загладить свою вину, я тоже зачерпнула борща и поднесла ко рту, перед этим понюхав. Потом вспомнила слова Коршунова о моих привычках и отправила ложку в рот.

– Хм, довольно неплохо, – похвалила я.

– Надеюсь, нам не плюнули в тарелки, – вернул поручик мою колкость.

– Я тоже, – усмехнулась в ответ.

На второе принесли колдуны, щедро политые сметаной и маслом.

От еды я слегка расслабилась и вытянула ноги, ткнув ими по сапогам Коршунова. Снова извинилась и передвинула

вбок. Теперь мои сапоги торчали из-под стола, привлекая взгляды. Пришлось вернуться к не слишком удобному положению.

В Вильне инженер Луковский привлекает к себе чересчур много внимания каждым жестом или движением. Помня о старой шпионкой школе, где это всё запоминают, я подумала, что Пафнутию Феофилактовичу не место на границе.

Это в Петербурге он был одним из многих, а здесь со своими длинными ногами торчал, словно верстовой столб, заметный отовсюду. Пожалуй, пришла пора и с ним попрощаться.

2

Комната и вправду оказалась чистой, как и постель. Я сняла сюртук, скинула сапоги и легла. Коршунов сказал, что походит по городу, присмотрится, а я могу отдохнуть.

Мне даже в голову не пришло спорить.

Проснулась от стука в дверь. В комнате уже было темно. Я, зевая, села на кровати.

– Кто там?

– Это я, Пафнутий Феофилактович, открывайте, – ответили из коридора голосом Коршунова.

Я прошлёпала босыми ногами по чисто выметенному полу и распахнула дверь. Поручик держал в руках поднос, от которого вкусно пахло жареной курицей. Это заставило меня пошевеливаться.

Я зажгла свечи и закрыла окно, после захода солнца на улице стало прохладно.

Коршунов составил с подноса блюдо с курицей и жареными овощами, хлеб, кислую капусту и две тарелки. Я заняла место напротив, с аппетитом принимаясь за еду. Всё же наедине с поручиком трапеза была намного приятнее, чем в общей зале.

– Как прогулялись? – поинтересовалась я, прежде чем отщипнуть кусочек куриной грудки.

– Грабовские живут в шести верстах от города, усадьба

называется Залесье, – он сразу начал докладывать. – Семья небольшая: граф Казимир Станиславович Грабовский и его дети. Адам, старший, служит в уланах, не скрывает профранцузских взглядов и ждёт Наполеона, как рождественского сочельника. Ядвиге Казимировне – восемнадцать, но замуж не выходит, держит траур по матери. Графиня по рождению была русской, говорят, умерла от грудной жабы.

– Говорят? – я расслышала язвительную нотку, когда Коршунов произнёс это слово.

– Слухи разные ходят, надо бы в людскую попасть и там порасспрашивать.

– И как нам туда попасть? – поинтересовалась я вслух, перебирая варианты. – Луковскому там делать нечего. Раз Адам против русских, остальные тоже могут поддерживать французов. Вряд ли они обрадуются курьеру военного министерства.

– Да, нашей подорожной там светить не стоит, – согласился поручик.

– Нужен повод попасть в дом, такой, чтобы нам не могли отказать.

Я сняла с шеи цепочку и открыла медальон. Коршунов согласно кивнул.

– Пора выводить нашу барышню в свет.

– Пора, только кто её будет сопровождать? – усомнилась я. – Вы не особо походите на моего брата. Жаль, что в нашей компании внешность умею менять только я.

– Ага, жаль, – без малейшего сожаления согласился поручик и отломал себе второе крылышко. – Надо придумать легенду.

В идеале Александра Петровна Сиверцева должна была путешествовать со своим братом, но я вряд ли сумею изображать обоих одновременно. Придётся Алексею приехать позже или часто отлучаться по делам, так, чтобы я могла ссылаться на него, при этом оправдывая отсутствие.

Но в таком случае мне нужна компаньонка. И на эту роль Коршунов тоже не годился. Я хмыкнула, стоило представить его в чепце вот с таким хмурым выражением.

– Я буду вашим телохранителем, – сообщил он, коротко усмехнувшись шутке про компаньонку.

– Телохранителем? – мне понравилось, как это звучит.

– Меня нанял ваш брат, я отставной унтер-офицер, служил вместе с ним в Измайловском полку. Мы достаточно далеко от столицы, чтоб это проверить. А если кто и запросит информацию, пока она дойдёт сюда, мы уже достанем ключ и уедем.

– Я согласна на телохранителя, особенно в такое неспокойное время. Спасибо милому братцу, что заботится о моей безопасности, – произнесла я, жеманясь, а потом добавила уже нормальным голосом: – Но компаньонку всё равно придётся искать. Даже если моя предыдущая потерялась по пути в Вильну.

– Об этом я позаботился, – Коршунов бросил кость на

блюдо и, напрасно поискав ещё что-нибудь съедобное, печально вздохнул.

Знаю, что барышни должны клевать по ползёрнышка и питаться солнечным светом, но наедине с поручиком я не скрывала аппетит, поэтому задорно хрустела капусткой, ожидая, когда он продолжит.

Оказывается, Коршунов успел навестить местного связного, держащего мясную лавку. И тот пообещал добыть мне дальнюю родственницу, какую-нибудь обедневшую дворянку с воспитанием и манерами, которая поможет Александре Сиверцевой сохранить репутацию.

Вообще, в легенде, которую мне показывал Винокуров в особняке, говорилось, что матушка Сиверцевых родом из западных губерний. Поэтому наш с братом приезд в Вильну вполне оправдан, мы можем искать родственников или могилу бабушки, или ещё что. К тому же наша матушка очень удобно умерла, и теперь у меня с Ядвигой Грабовской есть нечто общее, что несомненно должно нас объединить.

– Кстати, через мясника можно передать наше донесение. Это надёжный агент, – Коршунов вдруг сменил тему.

Я напряглась. О том, что случилось с нашим отчётом, напарник не знал. Сначала как-то не было времени обсудить, а потом я по наивности понадеялась, что оно само собой рассосётся.

И вот же, не рассосалось.

– Понимаете, Дормидонт Фокич, – я отодвинула капусту,

потерявшую привлекательность, – тут такое дело… Не сохранилось наше донесение, сгорело. Новое надо писать.

Коршунов только приподнял бровь, ожидая объяснений. И я открылась.

– Ну нельзя нам сейчас всё это по цепочке отправлять, даже урезанную версию.

Поручик с полминуты смотрел на меня, затем покачал головой.

– Что-то отправить придётся, давайте подумаем, что не помешает нашим планам и не подставит под удар.

Ещё с час или больше мы писали новое донесение, сначала черновик, который вышел густо исчёрканным поправками. Затем – чистовое письмо, куцее и втрое урезанное, поместившееся на одной странице.

– Николай Николаевич не сочтёт это издёвкой? – я с сомнением перечитала строки.

Коршунов вздохнул.

– Будем надеяться, он поймёт, что у нас есть причины быть краткими.

3

Утром инженер Луковский заплатил за комнаты, сел в экипаж и укатил в сторону Ковно на глазах того самого полового, что спрашивал о наших намерениях. Не знаю, чего он опасался, но мы с поручиком решили подыграть. Если что, пусть нас ищут там, где точно не найдут.

Проехав несколько вёрст, мы свернули в лес, и там попрощались с Пафнутием Феофилактовичем. Я наконец избавилась от опостылевшего мужского облика и стала собой. Ну почти собой, с некоторыми улучшениями.

Александра Петровна Сиверцева совсем не походила на женщину двадцать первого века, она была истинной кисейной барышней, а я наконец поняла, что это значит.

Я наблюдала, как кожа становится нежной, почти прозрачной и ещё бледной. В это время загар у дворянки являлся едва не оскорблением для общества. Лицо стало чуть уже, хотя щекам я придала немного юношеской пухлости, ведь по легенде мне восемнадцать, как и Ядвиге Грабовской. Вот ещё одна точка соприкосновения.

Может, брат намеренно вывез меня в Виленскую губернию, чтоб подыскать подходящую партию. Мало ли, не хотел выдавать за столичного графа, искал поближе к границе. Такие намёки я думала рассыпать в случае, если все Грабовские окажутся настроенными против России. Пусть думают,

что и мы с братом из тех, кто ожидает прихода французов.

Убедившись, что соответствую портрету, я переоделась в простое дорожное платье и плащ с капюшоном. Коршунов в это время менял казённую упряжь на добытую Мясником.

Закончив, я вышла наружу, чтобы проветриться и помочь поручику, если ему нужна помощь.

– Владимир Александрович, – позвала его.

Коршунов обернулся. Взгляд зацепился за рассыпавшиеся по плечам волосы, скользнул по щекам, словно лаская их. Это длилось не больше мгновения, затем поручик опомнился и отвёл взгляд.

– Хороша Александра Петровна? – не удержалась я от подначки, уж слишком понравилось, как Коршунов смотрел.

– Ваш истинный облик куда как лучше, – вдруг возразил он и отвернулся, принявшись возиться с упряжью.

А у меня на душе стало тепло и легко, и отчего-то захотелось танцевать.

Больше мы не обсуждали мою новую внешность, да и старую тоже. Мы вообще не говорили. Поручик нацепил на себя прежний сдержанный и невозмутимый вид, но я всё равно не могла сдержать улыбки.

Мы объехали город кругом и на этот раз прибыли с другой стороны и под другими именами. Я глубоко надвинула капюшон, пока уланы, изучали наши подорожные. Коршунов позаботился и о них.

По легенде на этот раз мы были мужем и женой на сносях,

поэтому из экипажа я не выходила. К счастью, они не стали требовать, поверив оси и подковы у лошадей, нас пропустили в Вильну.

Гостиницу в этот раз выбрали классом повыше. И хотя сегодня прибыла дама инкогнито, а не Александра Петровна Сиверцева, но именно она выйдет завтра отсюда. Когда появится обещанная компаньонка.

А пока нам с Коршуновым придётся делить номер на двоих.

И это даже хорошо, потому что нам нужно поговорить. Несмотря на моё отношение к поручику, несмотря на весь его опыт и всю пользу, которую он приносил… Я считала, что в Залесье мне следует ехать без Коршунова.

Ведь это я легко могу сменить внешность и стать, кем угодно. А поручик всегда и при любых обстоятельствах оставался самим собой. Нас видели вместе и на заставе, и в гостинице. Нет, конечно, сначала он сопровождал курьера Луковского, затем – беременную женщину. Но тем не менее он делал то, что становилось опасным – связывал все мои личины воедино.

А ведь мы не знаем, что ожидает нас в Залесье. Если там царят антироссийские взгляды, туда может быть вхож кто-то из тех, кто успел заметить Коршунова. Это вызовет вопросы и поставит под сомнение мою легенду.

А я не хотела ею рисковать.

– То, что вы предлагаете, сущее безумие! – возмутился

поручик. – Одну я вас туда не отпущу!

– Я буду не одна, завтра приедет моя компаньонка.

– Мы уже решили вчера, что я стану вашим телохранителем, – продолжал настаивать он. – Так и сделаем!

– Послушайте, Владимир Александрович, – я говорила мягко, понимая, что он беспокоится обо мне, поэтому и спорит. – В усадьбе вы всё равно не сможете постоянно находиться рядом. И одной мне будет сподручнее подобраться к Ядвиге. Пока именно она видится той, через кого можно разведать обстановку и узнать, кто из семьи является хранителем ключа. И является ли вообще. Потому что после приезда в Вильну я начала сомневаться, что здесь могут сохранить нечто, что пойдёт на пользу России.

Да, я попыталась перевести разговор, но Коршунов не поддался. Мы спорили больше часа, я устала, подбирая аргументы и повторяя их до тех пор, пока поручик не сдался.

Он сразу понял, что я права, но отпустить меня одну – это претило его устоям. Если бы я и на этот раз изображала мужчину, думаю, он бы отступил гораздо раньше. Потому что женщина в это время была намного уязвимее.

– Я не настолько беззащитна, как вы думаете, Владимир Александрович. Вы же сами меня учили. Грош цена вам, как учителю, если я не справлюсь с этим заданием.

Ироничный тон не помог. Коршунов глядел мрачно.

– Я буду поблизости, – пообещал он. – И мы станем держать связь каждый день! Пообещайте мне.

– Обещаю, – произнесла я со всей возможной серьёзностью.

Но про себя улыбалась.

4

Утром мне принесли платье. На самом деле Мясник подсуетил небольшой гардероб – даже не представляю, сколько это могло стоить за столь короткий срок. Видно, виленская ячейка давно скучала и была рада наконец заняться делом.

Большая часть одежды ждала в сундуке, уже закреплённом на экипаже, в номер мне доставили лишь одно платье. А вот о горничной Мясник не подумал. Мужчины, что с них возьмёшь.

Ну и как прикажете всё это надевать?

С чулками и сорочкой я управилась, с нижней юбкой тоже, но дальше начались трудности. Для корсета, пусть и лёгкого, нужны удобные руки, заводящиеся за спину, а у меня таких не было. Нет, конечно, я могла попробовать изменить суставы и вывернуть плечи в обратную сторону, однако экспериментировать не хотелось, мало ли что там может замкнуть. После неудачи с шестым пальцем я не решалась вмешиваться в природу.

Возилась долго. Крутилась и так, и эдак, уже решила, что не стану затягивать, пусть болтается на талии поясом. Завяжу спереди, а после переверну.

Но тут раздался стук в дверь.

– Дорогая, это я, – Коршунов всё ещё поддерживал легенду супружеской пары.

Отлично! Он-то мне и нужен.

Открыв дверь, я затянула его внутрь.

– Требуется ваша помощь, Владимир Александрович, – я указала на корсет.

Поручик прошёлся по мне взглядом и покраснел. Ух ты, никогда такого не видела.

– Ваш Мясник забыл прислать горничную, – пожаловалась я, чтобы переключить его на проблему.

– Мы решили, что не стоит привлекать лишнего человека, – буркнул Коршунов.

Ах вот оно что! Значит, это вы виноваты, голубчик? Ну что ж, тогда вам придётся исправлять свой косяк.

Я развернула корсет и повернулась спиной к поручику.

– Ну раз не стоит привлекать, затяните сами! – велела безапелляционно.

Коршунов промедлил с пару мгновений, затем осторожно взялся за концы завязок. Действовал медленно, осторожно. В какой-то момент мне даже показались, что у него слегка подрагивают пальцы.

Надо же, какой нежный.

Когда с корсетом было покончено, мы принялись за платье. Всё время облачения я стояла спиной к поручику. Сейчас мне очень не хватало зеркала, чтоб оценить выражение коршуновского лица. А так слышала лишь тяжёлое дыхание и шелест материи.

– Всё, – наконец хрипло произнёс он, закончив с рядом

пуговок.

– Благодарю вас, – улыбнулась я, оборачиваясь.

Поручик уже шёл к выходу, с неестественно прямой спиной, по-строевому чеканя шаг. Я проследила, как он вышел за дверь, чересчур аккуратно закрыл её, а потом стоял снаружи с минуту или две. Лишь после заскрипели под его ногами половицы.

А с моих губ не сходила довольная улыбка всё то время, пока я занималась волосами. Конечно, пришлось повозиться, чтоб сделать пару локонов у лица, не применяя раскалённых щипцов. Боюсь, хозяин гостиницы расстроится, как много сахара использовали приличные с виду гости, а может, решит, что мы его украли. Я не печалилась о его мнении, главное, что причёска вышла более-менее соответствующей сегодняшней моде, а сладкий сироп хорошо удерживал форму спиралек.

С волосами я возилась не меньше часа, к этому времени Коршунов уже успел переодеться в скромного кучера. Ямская шляпа с высокой тульей и широкими полями была надвинута на лоб, так что глаз я разобрать не могла. Показалось, поручик не желает демонстрировать мне выражение своего лица.

Ну и ладно. Настроения мне это не испортило. Я ещё помнила его хриплый голос, дрожащие пальцы и негнущуюся спину – для улыбки этого вполне достаточно.

Он поставил лесенку и ждал, когда я поднимусь. Вооб-

ще-то, я рассчитывала на руку и недовольно поджала губы. Ох уж эти нежные мужчины.

В карете меня уже ждала компаньонка. С бледным лицом, слишком скромным видом, говорившим о нужде в деньгах. В чёрном чепце и чёрной накидке поверх тёмного платья. Я решила, что она не так давно овдовела.

– Здравствуйте, Александра Петровна, – произнесла женщина слегка дрогнувшим голосом, отчего я решила, что она волнуется. – Меня зовут Прасковья Осиповна Вындомская. Я ваша дальняя родственница, рада, что мы наконец познакомились.

– Я тоже очень рада, Прасковья Осиповна.

Компаньонка мне понравилась. Она сразу перешла к делу и проявила понимание ситуации. Мясник не зря платит ей деньги. Или за какое вознаграждение она согласилась присмотреть за мной?

По пути мы обсудили основные детали, чтобы не путаться в показаниях. И я узнала, что Прасковья Осиповна действительно недавно овдовела.

По легенде её покойный супруг являлся моим троюродным дядей, кузеном моей матушки, тоже безвременно почившей от чахотки. И пока мой братец колесит по Виленской губернии, занимаясь мужскими делами, в которые, разумеется, он и не думает меня посвящать, троюродная тётушка составляет мне компанию.

И к Грабовским она меня везёт, потому что это самое при-

личное семейство в округе. Мне будет полезно с ними познакомиться. Как хорошо, что в эту пору было принято являться без приглашения даже к незнакомым людям. А им не приходило в голову не пустить на порог незваных гостей.

Правда над тем, чтобы остаться в Залесье на несколько дней, ещё придётся поработать. Но я была уверена, что-нибудь обязательно придумаю.

Шпионка я или кто, в конце концов?

5

На восемь вёрст до Залесья ушло почти два часа. Дожди в начале сентября здесь бывают не часто, как рассказала мне Прасковья Осиповна, но дорога после них сохнет куда как медленнее, чем летом.

Грязь цеплялась к колёсам и разлеталась в стороны, билась о днище и стенки, создавая определённый ритм. Приходилось повышать голос. Вскоре мы обе устали и дальше ехали молча. Да в общем всё было понятно, с легендой Прасковью Осиповну ознакомили, она обещала не подвести.

Больше всего меня возмущал Коршунов, который ехал себе на козлах и не обращал на меня внимания, даже не оглянулся. Ни когда экипаж колыхало на ухабах, ни когда колесо попало в глубокую яму, и я прикусила язык, от неожиданности громко вскрикнув.

Поручик будто погрузился в свои мысли и не обращал внимания ни на что вокруг. То ли не хотел меня видеть, после того как рассмотрел слишком много. То ли сердился, что придётся оставить меня одну.

Я тоже заскучала. И когда наконец широкая аллея сделала поворот, и перед нами предстал господский дом, я принялась жадно его разглядывать.

Он был похож и одновременно резко отличался от тех усадеб, что я уже видела. Выдержанный в строгих правилах

классицизма – ни одной лишней детали, ни одного завитка, сплошная симметрия, куда ни глянь. Он словно прямо говорил: здесь всё подчинено правилам, никаких отступлений.

Второй этаж занимал лишь центральную часть здания, а над ним – нависал фронтон с круглым окном, похожим на глаз. Казалось, он следит за приезжающими.

Впечатление сглаживала красивая двухмаршевая лестница с белой балюстрадой, добавляя немного озорства этой каменной громадине.

Копыта застучали по гравию, экипаж обогнул подъездной круг и остановился напротив крыльца, на которое сразу же вышел дворецкий в чёрном фраке.

Однако Коршунов успел первым. Он подставил лесенку и на этот раз подал мне руку.

– Смотрите же, вы обещали! Каждое утро в восемь жду вас в конце аллеи, – он махнул головой, указывая направление.

– Не беспокойтесь, – прошептала я.

Большего сказать не успела. Дворецкий уже подошёл к нам.

Поручик в лучших традициях нанятых возниц поклонился нам с Прасковьей Осиповой, забрался на козлы и, чмокнув губами, послал лошадей рысью.

– Стойте! Куда же вы?! – растерянно кричала я ему в след.

Растерянность была натуральной. Мы, конечно, обсуждали, что Коршунов уедет. Но он увёз весь мой гардероб!

– Ох уж это ямщицкое сословие, – сочувственно произнёс дворецкий. – Как прикажете о вас доложить.

– Александра Петровна Сиверцева и Прасковья Осиповна Вындомская, – начала играть свою роль компаньонка.

Внутри дома было холодно. Я поёжилась, жалея, что не взяла какой шали. Дворецкий вёл нас через комнаты, где на стенах висели портреты предков в сарматском стиле – в кунтушах, красных сапогах, с саблей на поясе. У одного из панов я разглядела воеводскую булаву. Грабовские не зря гордились славной историей своих предков. И сразу же познакомили с ней гостий.

В зале, куда нас привели, стояла массивная мебель, одну из стен украшал потемневший от времени гобелен. Ни цветов, ни кружевных салфеток или легкомысленных акварелей – нарочитая строгость этого дома меня угнетала.

Оставив нас в гостиной, дворецкий удалился. Спустя пару минут пришёл хозяин.

Выглядел Казимир Станиславович импозантно: прямой и стройный, без толики лишнего жира, с тёмными волосами и сединой на висках.

Приветствовал нас настороженно. Вроде и улыбался, но глаза оставались холодными. Оценивал, анализировал и делал выводы. К счастью, нас он воспринял вполне безобидными, желающими приобщиться к величию его семьи.

Я изо всех сил старалась изображать кроткую барышню в поисках дальней родни.

– Радкевичи, говорите? Как же, наслышан, – Казимир Станиславович улыбнулся и замолчал, предоставляя нам самим додумывать, правда он что-то слышал о моих мнимых родственниках или сказал это из вежливости.

– После смерти матушки мы с братом решили во что бы то ни стало приехать в Вильну. Ведь родные люди – это так важно. Особенно, когда больше никого не осталось.

Я смотрела на Грабовского большими наивными глазами, часто вздыхала и пару раз даже приложила платочек к глазам. Может, я и переигрывала, но Казимир Станиславович уже составил обо мне мнение, моя бесхитростность и сентиментальность входили в этот образ.

– Мы с Алексеем думали, поехать на поиски могилы нашей бабушки. Но брату всё некогда, он сильно занят. Велел познакомиться с достойными людьми, и Прасковья Осиповна сразу назвала вашу фамилию. Так и сказала, достойнее графов Грабовских в округе ни за что не найдёшь.

– Когда ваш брат думает к вам присоединиться? – поинтересовался Казимир Станиславович, польщённый высокой оценкой.

– Алексей не сказал. Он уехал утром, оставил мне записку, чтобы я не скучала. Но о возвращении не упоминал. В прошлый раз его не было несколько дней, как сейчас сложится – даже не знаю.

О политике со мной граф не заговаривал. Оно и понятно – чего с глупой барышней говорить. Вот с её братом – это

другое дело. Хотя на всякий случай дал понять, что лоялен российскому государю.

Мы как раз говорили о Петербурге, когда в доме раздались голоса и затем стук каблуков по паркету. В залу влетел молодой улан в мундире, с подкрученными усами и волосами, уложенными красивыми волнами. Они смотрелись до того естественно, что мне захотелось спросить, чем он пользуется. Явно не сладкой водой.

Он сразу подошёл ко мне, остановился в паре шагов, эффектно щёлкнул каблуками и склонился. А затем дерзко, но при этом осторожно взял мою руку и коснулся губами тыльной стороны.

Я ахнула от неожиданности, Прасковья Осиповна – от возмущения.

– Адам, – прорычал Казимир Станиславович, хотя в слове не было ни одного рычащего звука.

– Простите, панна, мою дерзость, но когда ещё встретишь барышню из самой столицы, – Адам Казимирович белозубо усмехнулся.

А его взгляд говорил, что улан не испытывает ни малейшего раскаяния.

6

«Значит, вы любите нарушать правила, юноша», – сделала я мысленную пометку.

- Позвольте представить вам, Александра Петровна, моего сына Адама, он служит в уланах и воспитан лучше, чем стремится показать.

- Папенька мне льстит, Александра Петровна, - младший Грабовский пользовался своим обаянием на всю катушку.

Такие должны привлекать юных барышень – дерзкий, остёр на язык, к тому же в мундире. Девушкам нравятся военные. Я сделала вид, что польщена и смущена одновременно, думаю, именно такой реакции от меня и ждали.

Адам занял кресло напротив, закинул ногу на ногу и поинтересовался:

- Как дела в столице? Император всё ещё верит в Тильзит?

- Адам! – на этот раз Казимир Станиславович рассердился по-настоящему.

- Прошу прощения, - на этот раз сын понял.

А я задумалась – для чего тогда было то страшное рычание, оказавшееся совсем не страшным? Похоже, очередная демонстрация для недалёкой барышни. Зато сейчас младший Грабовский затронул животрепещущую тему. И как бы мне ни хотелось её продолжить, исподволь выведав истинные взгляды обоих, приходилось играть свою роль.

- Мне не ведомы мысли и устремления государя, - произнесла я, едва не зевая, - то вам мог бы рассказать мой брат. Жаль, что его нет сейчас с нами.

- Ваш брат? – напрягся Адам Казимирович.

- Алексей Петрович отсутствует по делам, изволил Александру Петровну одну оставить, - за меня пояснил граф.

- Надеюсь, вам не придётся скучать в нашем обществе, панна, - младший Грабовский мгновенно расслабился.

Беседа потекла ровнее. Хозяева интересовались столичным светом, гостьи – Виленской жизнью. Я раздумывала, как намекнуть на Суворова, чтобы выведать хранителя ключа.

И в этот миг из дальней залы донеслась музыка. Фортепьяно. Мелодия была нежной и очень печальной. Я заслушалась. А затем перевела взгляд на Казимира Станиславовича и заметила, как он досадливо скривился.

Надо же. И почему нам не нравится музыка?

- Опять Ядя тоску нагоняет, - озвучил причину Адам.

Похоже, у отца и сына она была одной на двоих.

Мелодия оборвалась резко, словно невидимый пианист рассердился и ударил по клавишам ладонью. А минуту спустя в гостиную вошла девушка.

Брюнетка в отца и брата, с большими выразительными глазами цвета янтаря и аристократически бледной кожей. Очень красивая. Она куталась в шаль, стискивая её на груди тонкими изящными пальцами.

Увидев меня, она замерла, словно наткнулась на невиди-

мую стену. Эмоции на её лице мелькали так ярко, что всё было понятно без слов. Она не желала общаться с посторонними, да и с родственниками тоже. И с удовольствием ушла, если бы не правила приличия. Их барышня не могла нарушить.

- Добрый день, - на её губах мелькнула бледная улыбка, лишь дань вежливости.

- Ядвига, голубушка, - голос графа звучал слегка нервно, - познакомься с гостьей из Петербурга, Александра Петровна Сиверцева, и её тётушка – Прасковья Осиповна Вындомская. А это моя дочь – Ядвига.

- Очень приятно, Александра Петровна, - во взгляде девушки появился интерес. По крайней мере, больше она не испытывала досады от моего появления.

Я заметила, что говорит Ядвига совершенно без акцента, в то время как в произношении её отца и брата чувствовалось, что хоть они и прекрасно изъясняются на русском, но думают на другом языке. Кстати, Прасковья Осиповна также иногда спотыкалась на некоторых словах, словно вспоминала, как они произносятся.

- Мне тоже очень приятно, Ядвига Казимировна, - сказала я чистую правду. – Это вы только что играли?

- Да.

- У вас чудесно выходит, и мелодия такая трогающая за душу.

- Наша Ядя умеет нагонять тоску, - хмыкнул Адам, удо-

стоившись гневного взгляда сестры.

- А мне понравилось, - я почувствовала меж ними напряжение и подсознательно встала на сторону Ядвиги.

Только после подумала, что если ключ хранит Адам? Пожалуй, стоит быть к нему помягче. Да и к старшему Грабовскому тоже. Всё-таки я приехала по делу, нужно думать о нём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.